

Доверься мне

Саша Дамиано
Рафаэль Ривера

RS1

9mm
Luger +P

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Дамиано

Доверься мне

«Автор»

2026

Дамиано С.

Доверься мне / С. Дамиано — «Автор», 2026

Он не боится безлюдных улиц и разносортных ублюдков, вечерами продаёт чужие промежности за бешеные деньги и мечтает выкупить рыжую ведьму из числа своих подопечных. Для клиентов борделя он всего лишь торговец, мальчишка с неприлично хрупким телом. Но те, кто знает о нём чуть больше, чем положено, не смеются и лишних вопросов не задают. Просто доверяют — всегда, когда он об этом просит.

© Дамиано С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Описание	5
Глава 1. Гость	6
Глава 2. Прошлое — в мусор	10
Глава 3. «Венец»	14
Глава 4. Хозяин юга	18
Глава 5. Погоня	23
Глава 6. Больница	27
Глава 7. Больница, продолжение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Саша Дамиано, Рафаэль Ривера

Доверься мне

Описание

Он не боится безлюдных улиц и разносортных ублюдков, вечерами продаёт чужие промужности за бешеные деньги и мечтает выкупить рыжую ведьму из числа своих подопечных. Для клиентов борделя он всего лишь торговец, мальчишка с неприлично хрупким телом. Но те, кто знает о нём чуть больше, чем положено, не смеются и лишних вопросов не задают. Просто доверяют — всегда, когда он об этом просит.

Глава 1. Гость

«Скучно».

Так думал худощавый на вид паренёк двадцати шести лет, пуская дым от раскуренной сигареты прямо в стакан с пивом. Ночной клуб «Lizard Lounge» на Суисс-авеню был для него запретным местом, такие как он здесь не ошивались, но парень приходил сюда стабильно раз в три дня по разрешению самого владельца клуба. Именно это знакомство не давало местным завсегдатаям вышвырнуть незваного гостя за порог с разбитым носом.

— Эй, Рафаэль, — с широкой улыбкой сказал коренастый мужчина, подсев к парню за стол. У него внушительная залысина, тщательно зачёсанные жидкие волосы, маленькие глазки, как у свиньи. Но он человек сам по себе весьма добродушный, если особенно не вдаваться в его прошлое. — Как жизнь?

— Антонио, — улыбнулся Рафаэль, выпустив дым через нос, — ты задаёшь мне один и тот же вопрос при каждой нашей встрече. И каждый раз я отвечаю — хорошо. Это становится традицией.

— В какой-то степени, — согласился мужчина и лукаво прищурился, подавшись вперёд. — Я до сих пор тебе поражаюсь. То, что ты нездешний, видно невооружённым глазом. Наш босс не любит приезжих, но тебе почему-то позволил бывать в этом свинарнике.

— Отчего же в свинарнике, Антонио? — отозвался Рафаэль и выпил пива. Его голос казался всякому, кто с ним разговаривал, странным, до неприятия хриловатым и грубым, но в то же время без присущих мужчинам низких нот.

— А как я должен называть место, где собираются самые грязные подонки и ублюдки высшего света? Я и сам из таких, но в отличие от этих напыщенных индюков хотя бы признаю себя распоследней свиньёй.

Мужчина громко расхохотался и откинулся на спинку стула, в очередной раз окинув собеседника внимательным взглядом.

— Рафаэль, — позвал он, и парень едва повернул к нему голову. — Не надоело ещё прислуживать Марго?

— Мне нравится моя работа, — рассмеялся в ответ Рафаэль и провёл рукой по зачёсаным назад волосам. Они винным пятном выделялись на фоне строгого, чёрного целиком и полностью, костюма. Классические туфли, брюки, заправленная в них рубашка, не застёгнутая полностью. Чёрный плащ прямого кроя с широким поясом Рафаэль небрежно накинул на плечи, отрешённым видом создав иллюзию уставшей модели на съёмках очередной коллекции.

— А-а-а, — протянул Антонио и погрозил пальцем, — хитрец. Я же знаю, как ей хочется сделать из тебя куклу. Сколько их у неё? Одиннадцать? Вечно забываю....

— Да, но двенадцатым я не стану, не беспокойся, — отозвался Рафаэль и затушил сигарету о стеклянную пепельницу. — Марго так шутит, потому что знает, как тяжело будет найти такого же координатора, как я.

— Мне бы твой оптимизм, — сказал Антонио чуть тише. — У меня к этой суке доверия нет, и если ты у неё загнёшься, будет очень жаль.

— Да ладно? — ответил Рафаэль, допил пиво и поднялся. — Не смешно. За космический ценник ты вышибешь мне мозги, разве нет?

— Если только за о-о-очень космический, и то я ещё крепко подумаю, — подловил его мужчина, и тот усмехнулся. Парень пожал Антонио руку и направился к выходу, попутно кивнув на прощание сыну владельца клуба, высокому детине с некрасивым лицом.

В квартале от «Lizard Lounge» Рафаэля уже поджидала машина, и парень, придерживав полы плаща, уселся на заднее сидение.

— Как всегда пунктуален, — промурлыкала женщина в облегающем тёмно-синем платье, прикурила длинную сигарету и сдвинула назад широкополую броскую шляпу. Рафаэль чуть повернулся к ней, та мягко взяла его за подбородок и языком коснулась приоткрытых губ. От женщины пахло сладкими духами; парень плавно подтянул её к себе, слился с ней в чувственном поцелуе и ощутил яркий привкус ванили во рту. Дама незаметно скользнула рукой вниз по груди и животу, но Рафаэль крепко перехватил её запястье.

— Ты слишком хорош, — разочарованно протянула дама, отстраняясь. — Клиенты бы за тебя дали втрое... нет, впятеро больше, чем за моих девиц. Как жаль, что ты не мой товар.

— Я в принципе не товар, Марго, — улыбнулся парень и развалился на удобном сидении «Мерседеса». — Впрочем, уже начинаю привыкать, что ты при встрече всё время пытаешься определить мне цену.

— Потому что сам ты это сделать не в состоянии. Каждый из тех, кто имеет отношение к подпольному бизнесу, знает свою стоимость. Твои услуги покупают, тобой пользуются. За определённое количество купюр. — Марго изогнула губы в ответной улыбке и затянулась. — И если ты удивлённо пожимаешь плечами при вопросе «почём?», то рискуешь продешевить.

— Я не жажду денег, — отозвался Рафаэль и пристегнулся. — Пусть другие гребут их лопатами, если так хочется.

— Тогда я не понимаю, что ты забыл среди нас, — добродушно рассмеялась женщина, откинулась на сидение и также застегнула ремень безопасности. «Мерседес» мягко тронулся, понёс пассажиров по ярко освещённым улицам Далласа и остановился на Ашленд-стрит возле неприметного жилого здания. В подвале расположился небольшой круглосуточный бар, легальный бизнес Марго, которым она очень умело прикрывала элитный бордель. Он был здесь же, в соседнем помещении, но чтобы войти туда, следовало знать хозяйку лично. При этом в лицо её как владелицу бара знали все посетители, но как «мамочка» она показывалась крайне редко и далеко не всякому. Этакое двойное дно, к которому получить доступ всё равно что отгадать код Да Винчи.

Рафаэль спустился вслед за Марго по узкой лестнице, по пути снял плащ, перекинув его через левую руку, и сразу от порога двинулся к барной стойке. Бармен привычно налил ему стакан бренди и кинул туда пару кубиков льда.

— Не задерживайся, — сказала хозяйка и стряхнула пепел в чёрную пепельницу. — Нас уже ждут.

Рафаэль понятливо кивнул и взглянул на бармена, который смешивал коктейль для очередного клиента.

— Могу я забрать его с собой? — спросил он и чуть потряс бокалом.

— Конечно.

Парень отыскал в толпе посетителей даму в броской шляпке и, подойдя, незаметно ущипнул за выдающуюся филейную часть.

— Ты фантастический наглец, — притворно возмутилась Марго, увлекая Рафаэля за собой к служебной лестнице. Там, на ступенях в полутьме, она припёрла его к стене и начала покрывать быстрыми, жаркими поцелуями открытую шею. стакан выпал из рук и разбился, остатки бренди разлились по полу. Парень в удовольствии закусил губу и задрал подбородок, но как только женщина взялась за пуговицы на его рубашке, он её сразу же мягко отстранил.

— Нас ждут, Марго, — сказал он тихо, восстанавливая дыхание. — Сама же сказала, ну.

Рафаэль двинулся по лестнице вверх, но хозяйка перехватила его руку и резко дёрнула на себя. Парень, едва не оступившись, угодил в её раскрытые объятия.

— Марго, твою ж мать... — выдохнул Рафаэль, притянул разгорячённую женщину за талию и повалил на ступени. Хозяйка имела крайне дурную привычку — не учитывать внешние обстоятельства, когда с головой накрывало желание. Иными словами, сейчас она напле-

вала на гостя, который ждал её прихода, и на спутника, что хотел бы всеми силами избежать интимной близости.

Марго чуть раздвинула ноги, и Рафаэль, не прерывая глубокого поцелуя, запустил руку в высокий разрез тёмно-синего длинного платья. Хозяйка всем телом подалась к парню, отвечая на ласки, и волнительно дрогнула, когда тот осторожно коснулся её кружевного белья.

«Чтоб тебя...» — подумал он, переключившись на шею и прелестное декольте. Марго обладала четвёртым размером груди; эффектно подчёркнутая грамотно выбранным платьем, она соблазняла и буквально манила оставить на ней пару-тройку отметин.

— А если кто-то зайдёт? — прошептал Рафаэль, отодвигая край намокших трусиков. Хозяйка успела расстегнуть ему пару пуговиц на рубашке, прежде чем парень снова отстранился от неё. — Не стоит. Я не хочу.

Марго обиженно поджала губы, но тут же сдержанно простонала от ощущения прохладных пальцев у себя внутри. Рафаэль не спешил; Марго подчинялась его хриловатому тихому голосу, парень доставлял удовольствие нежно, медленно, глядя женщине прямо в лицо, будто в его выражении был самый смак.

— Не пытайся меня раздеть, — сказал он приглушённо, входя до упора, насколько позволяла длина пальцев. — Лучше прикрой глаза и доверься мне.

Хозяйка послушно опустила веки и освободила грудь из плена облегающего наряда. Рафаэль сразу припал к отвердевшему соску и аккуратно прикусил его.

— Мой ангел... — простонала Марго, и парень едва слышно засмеялся.

— Ангелы не работают в борделях.

Он оторвался от покрытой мурашками возбуждения груди и стремительно опустился вниз. Женщина только взволнованно ахнула и чуть поднялась на локтях, когда Рафаэль задрал ей платье до самого пояса; затем она снова откинулась на ступени и раздвинув ноги ещё шире, полностью раскрыв парню гладко выбритую промежность.

«Как я этого не хочу сейчас, но кто бы меня ещё спрашивал», — мысленно усмехнулся парень; он быстро и незаметно очистил руки носовым платком, который всегда лежал во внутреннем кармане плаща, и прикусил язык. Работа им, конечно, была в его планах на вечер, но не такая, не в этом формате, и Рафаэль неприязненно сощурился, когда Марго в конце не удержалась от громкого стога — та без капли совести наплевала на его просьбу быть потише.

— Вставай и пошли, — более хрипло, чем прежде, сказал он, поднялся на ноги и краешком платка вытер губы. — Если гость серьёзный, нам обязательно влетит.

— Я тебя порой не понимаю, — ответила Марго, принимая руку спутника и поднимаясь вслед за ним со ступеней. — То пытаешь нестерпимой медлительностью, то спешишь, как на последний поезд.

— И не старайся, — отмахнулся парень, захватил испачканный грязью со ступеней плащ и направился на второй этаж. — Это не то, над чем тебе стоило бы думать. — Он обернулся и оценивающе окинул женщину взглядом с головы до ног. — И зайди в туалет, приведи себя в порядок.

— Плохо выгляжу? — удивилась Марго, поправляя платье.

— Наоборот, но лишних вопросов я бы не хотел.

Рафаэль довольно отметил про себя, что недурно постарался, хоть и не желал особо. Причёска у хозяйки порядком растрепалась, по губам слегка размазалась помада. Она отряхнула и опустила на голову свою шляпу, зашла вслед за спутником в первую дверь на этаже и сразу свернула налево в дамскую комнату. Рафаэль между тем двинулся дальше по коридору и вскоре оказался в просторной приёмной. Уж чего-чего, а любви к борделю Марго было не занимать. Теневой бизнес она организовала куда лучше, чем легальный бар, и потому для клиентов имелись не только отменные девицы, но и приёмная, где во время «смотрин» даже самый привередливый гость может подобрать «товар» по вкусу.

На длинном полукруглом диване, обитом тёмной кожей, расположился молодой мужчина на вид примерно одного с Рафаэлем возраста. Он сидел, закинув ногу на ногу, нетерпеливо постукивал пальцем по колену и потягивал кофе, который ему недавно подали. Костюм-тройка сидел на госте как влитой, пиджак лежал рядом, а тёмно-серый цвет ткани перекликался с оттенком глаз.

Едва увидев Рафаэля, посетитель встал, но вместо того, чтобы протянуть руку для приветствия, вдруг нахмурился ещё больше, чем прежде.

— Я вас раньше не видел.

— Я тоже, — спокойно ответил парень, пропустив мимо ушей отсутствие должной вежливости. — Вы можете представиться для начала, чтобы я понимал, с кем имею дело?

— Не беспокойся, — отозвалась Марго, появившись на пороге приёмной. Она снова выглядела безукоризненно, словно не лежала пять минут назад на ступенях служебной лестницы. — Это наш постоянный посетитель.

— Не совсем так, — сказал мужчина, подумав. — Я посылаю за «товаром» представителя. Возможно, поэтому мы с твоим помощником не знакомы.

— Так познакомь нас, Марго, — попросил Рафаэль, глядя на хозяйку борделя. Глубоко внутри он ощутил нечто похожее на враждебность. Клиенты бывали разные, многие из них также не здоровались и не прощались, но в этом госте было что-то особенное. Парень мог бы выбрать для него «товар» похуже, скрытый за милой «упаковкой», но не имел права — представителей не посылали за девочками рядовые богачи. Марго не позволяла.

— Это Джейсон, — с радостью в голосе произнесла хозяйка, и Рафаэль протянул гостю руку. Тот ответил на рукопожатие крайне неохотно. — Он владеет южными районами Далласа и защищает мой бизнес. Джейсон, — обратилась она к мужчине, — это Рафаэль. Координатор, сутенёр, если можно так выразиться, и просто хороший друг. У него невероятное чутьё на девочек, он даже заочно умеет подбирать подходящий «товар» по общей характеристике, поэтому доверься ему. Не пожалеешь.

Марго присела на диван рядом с гостем. Рафаэль растянул губы в некоем подобии приветливой улыбки, но, взглянув Джейсону прямо в глаза, вновь испытал это странное, тягостное чувство. Мужчина внушал необъяснимый трепет, и парень осознал, что нарвался на редкую птичку. Всех местных дельцов Рафаэль видел насквозь, но Джейсон не имел привычной деловитости, какая явно проскальзывала в движениях большинства клиентов. Вместо неё в выражении лица и глаз сквозила холодная расчётливость и даже жестокость, отчего парень, отняв руку, чуть заметно подёрнул плечами.

— Марго, — сказал он хозяйке, и та угодливо повернулась к нему. — Займи гостя. Для него, думаю, стоит выбрать самую сочную малышку, но потребуется немного времени. Хочу его удивить.

Марго закусила губу, и совсем не заигрывающая манера в жесте не ускользнула от цепкого взгляда мужчины — Рафаэль это заметил в особом прищуре. На милое воркование хозяйки борделя гость отозвался не сразу; он снова присел на диван, и парень, обернувшись на пороге, в лице Джейсона различил звериную настороженность.

«Похоже, у нас это взаимно», — хмыкнул про себя Рафаэль и размеренно двинулся по коридору, выстукивая каблуками туфель чёткий ритм — как у песни, которая заиграла в голове, отразив настроение будущей авантюры.

Глава 2. Прошлое — в мусор

Шесть лет назад Рафаэль приехал в штат Техас студентом по обмену. Московский институт мировой экономики и бизнеса отправил группу второкурсников на практику с последующим обучением в одном из университетов Далласа. После окончания учёбы почти все вернулись в Россию, и только трое решили остаться в Америке: Рафаэль, Марина и Антон. Марина сразу же после получения диплома села на самолёт и улетела домой повидать родителей, потом оставила их и обосновалась в Бруксе. Антон задержался в Далласе почти на месяц после выпуска, а потом уехал с новыми друзьями в Гамильтон — развивать собственное дело.

Рафаэль, в отличие от сокурсников, полученным образованием пользоваться не захотел. Он вообще не стал учиться дальше и в первые же полгода пребывания в Далласе нашёл себе не пыльную работу в «Старбаксе» на Пасифик-авеню и подработку в ночном баре недалеко от дома. Наливая людям кофе, парень не задумывался о возможностях, о перспективах карьерного роста. Он откровенно скучал в обществе офисных работников, которые не упустили момента похвалиться количеством пройденных тренингов.

«Как будто членами меряются, честное слово, — размышлял Рафаэль, наблюдая за очередным любителем помахать перед носом коллег заветной корочкой. — Какая разница, насколько он больше? Ну отрастил ты его до пола, и что с того?»

Он считал все эти бизнес-тренинги чем-то вроде глупого смыва денег в унитаз. Он по своему опыту помнил, что приобретённая на таких мероприятиях информация в дальнейшем редко используется в полном объёме. Чаще после получения сертификата ты обо всём благополучно забываешь и только потом, разгребая завалы из корочек, думаешь: «Вот я молодец, я там был». Не более того.

Рафаэль прочно обосновался в Далласе, когда завёл полезные знакомства среди людей, кто имел определённую власть в округе. Он сумел завоевать их доверие и спустя долгое время осмелился попросить об услуге — ему требовалась помощь в оформлении документов, и парень знал, что без вмешательства влиятельных друзей в такой процедуре ему непременно откажут. Начнут задавать неудобные вопросы, на которые Рафаэль не хотел бы отвечать.

Он обратился к Майклу Рэйни, владельцу фирмы по производству офисной бумаги и канцелярских принадлежностей. У мужчины были хорошие отношения с парой надёжных людей из Службы иммиграции, он обещал, что всё устроит, и экзамен на гражданство можно будет сдать уже в этом месяце.

— А как же родители? — поинтересовался Майкл прежде, чем совершить всего один, но очень важный для парня звонок.

— Я с шестнадцати лет сам по себе, и в России меня не ждут, — ответил Рафаэль, осознавая, что прямо сейчас опять стоит на краю бездны. — Тем более много чего случилось за два года... В какой-то мере это снова билет в один конец.

— Я бы сказал по-другому: это полностью зачеркнёт твоё прошлое.

— Да плевать. Я двадцать лет в помойку выбросил, когда из Москвы улетал, а новый паспорт — это уже формальность. Точнее, каприз. Правда, заплатит мне за него пока нечем, но я готов отработать долг.

— У меня как раз есть одно интересное предложение, — улыбнулся Майкл и набрал нужный номер. Разговор вышел коротким, и вечером Рафаэль оказался в ночном клубе «Lizard Lounge» в компании Майкла и двух незнакомцев из Службы иммиграции. Парень отдал им всё, включая паспорта, аттестаты, сертификаты и прочие бумаги; Майкл оторвал от чековой книжки листок, написал на нём сумму и протянул одному из мужчин. Тот согласно кивнул, увидев цифры, спрятал чек во внутреннем кармане пиджака и вместе с напарником удалился.

— Вот и всё. Об оплате уже договоримся, когда они закончат, — сказал Майкл и нажал кнопку в центре стола. Подбежала милая невысокая официантка, и мужчина заказал два коктейля и два куса хорошо прожаренного бифштекса. — Это за мой счёт, не переживай, — засмеялся он, заметив на себе взволнованный взгляд Рафаэля.

— Ты расточителен.

— Могу себе позволить. Будешь? — Майкл вынул из кармана пиджака пачку дорогих сигарет и зажигалку, показал их собеседнику, и Рафаэль кивнул.

— Мне кажется, — добавил парень, выпустив облако дыма, — или на меня действительно тарашатся люди за столиком справа?

Майкл повернулся в ту сторону, куда взглядом указал его спутник, и поднял руку в приветственном жесте.

— Это Ганс, сын хозяина клуба. Тебе тут быть не положено, но в другом месте я не смог организовать встречу. Так что расслабься.

Снова подбежала официантка, принесла большой поднос и выставила на стол тарелки с мясом и коктейли в высоких бокалах. Также она выложила салфетки и столовые приборы, после чего дежурно улыбнулась и убежала прочь.

— Что такое? — поинтересовался Майкл, увидев, что Рафаэль никак не может определиться, в какой руке ему держать нож. Парень выглядел немного растерянным, и мужчина не замедлил подсказать.

— Вилку в левой, нож в правой. Не знаешь?

— Я левша, это раз, и два — никогда не учился этикету, — буркнул Рафаэль и взялся неумело разрезать мясо на куски. Его принесли обильно усыпанным специями, ароматным и отлично прожаренным, но всё же бифштекс показался гостю заведения непомерно большим. Он съел только две трети поданного блюда и понял, что больше в него не влезет.

— Оставь, — сказал Майкл, — объедки потом собакам выкидывают. Хозяин не любит, когда еду просто отправляют в помойку.

— Хорошо, — качнул головой парень, — я этого тоже не люблю.

— Думаю, вас стоит познакомить.

Рафаэль даже возразить не успел, как Майкл уже подозвал к себе Ганса и попросил его пригласить отца, если тот ничем не занят. Хозяин клуба предстал перед гостями высоким тучным мужчиной, широким в плечах и суровым на вид. Он лицом не вышел, но и жена для него нашлась подходящей наружности — тоже далеко не красавица.

— Здравствуй, Чарли, — поздоровался Майкл, когда хозяин подсел к ним за стол. — Как жизнь?

— Ничего, — ответил мужчина с одышкой и сложил руки на животе. — Ничего... Сам-то как? Говорят, у тебя дела в гору идут.

— Говорят, — согласился Майкл. — Но речь сегодня не обо мне. Я тебя тут с одним молодым человеком хотел познакомить. Рафаэль, — показал он на сидевшего рядом парня, и тот слегка поклонился хозяину клуба. — Рафаэль, это Чарли. Не смотри, что он такой большой и страшный. У него добрая душа.

— Добрая, — рассмеялся мужчина, — насколько это можно позволить в условиях нынешних реалий. Почему ты привёл его сюда, Майкл? Он не из наших кругов.

— Я знаю, но, поверь, вам стоит немного пообщаться. — Майкл поднялся. — Я отойду ненадолго, а вы пока начните без меня.

Он направился в сторону туалета, попутно здороваясь со знакомыми гостями. Рафаэль остался наедине с Чарли и в первые минуты попытался нащупать тему для беседы. Разговоры о нравах и бытовой жизни хозяин клуба пресёк на корню, политику критиковать не стал, а вот о новых достижениях американского спорта побеседовал с удовольствием. Рафаэль разбирался в этом не так хорошо, как в экономике и ведении бизнеса, например, но быстро сообразил, что

Чарли не из тех людей, кто любит слушать. Напротив, парень дал ему возможность от души высказаться, изредка вставляя комментарии.

Когда Майкл отправил Рафаэля домой (как он потом рассказал), Чарли задержал его на несколько минут и велел передать, что совсем не против, если «малый» будет сюда заглядывать.

— Я же говорил, что он тебе понравится, — довольно отозвался Майкл, попрощался со старым другом, сел в машину и уехал. С тех пор раз в три дня между сменами в баре и «Старбаксе» Рафаэль начал проводить по несколько часов в «Lizard Lounge» в беседах с хозяином клуба и другими посетителями, которых заинтересовало новое лицо возле Чарли.

Впрочем, не обошлось и без проблем. На первых порах особо рьяные гости заведения порывались вышвырнуть за порог «сосунка с мутной историей». Родословной Рафаэля никто не знал, ни кто он, ни откуда. Известно было только, что парень батрачит без выходных на двух работах и живёт на съёмной квартире на Болл-стрит.

Смена гражданства и переоформление документов создали ещё больший хаос в головах тех, кто пытался выяснить информацию через надёжные (и не очень) источники. Майкл хорошо заплатил сотрудникам Службы иммиграции, бумаги поменяли в рекордные сроки. Рафаэль спокойно сдал экзамен, получил новые бумаги и по настоятельной просьбе оставил и бар, и кофейню.

— Вот теперь поговорим об оплате, — сказал Майкл, когда увиделся с Рафаэлем через неделю после его увольнения. — Сразу предупреждаю, ты задолжал мне немалую сумму, поэтому расплачиваться придётся долго.

— Слушай, — улыбнулся парень, отхлебнув бренди из стакана, — говори сразу, что от меня требуется. Я согласен на что угодно, только телом не проси торговать. Это будет выше моих сил.

— Да что ты, я не настолько убудок, — отозвался мужчина, заметив неприязненно поджатые губы. Он знал, что Рафаэлю предлагали баснословные деньги за проституцию, и не удивлялся — у парня была примечательная нестандартная внешность. — Я предлагаю торговать чужими телами. Я знаком с одной презентабельной дамой, она держит элитный бордель на Ашленд-стрит. У неё как раз сейчас не хватает... м-м-м, помощника. Правда, — задумчиво протянул Майкл, оглядев собеседника, — она не любит серых мышек.

— Это не проблема.

Когда вечером парень снова пришёл в «Lizard Lounge», Майкл его не узнал. Рафаэль предстал перед мужчиной в строгих брюках, туфлях и заправленной чёрной рубашке. Две пуговицы от горла он не стал застёгивать; тёмно-вишнёвые волосы парень зачесал назад, оголив выбритые виски и затылок. В этом же салоне ему подровняли брови, и Рафаэль явился на встречу, перекинув угольный плащ через плечо, совершенно не похожий на себя предыдущего.

— Душевно они над тобой поработали, — присвистнул Майкл, разглядывая парня. Прежняя миловидность за ним сохранилась, но выражение лица приобрело оттенок лёгкого коварства.

— Ну, ты же им щедро заплатил, вот они и постарались, — усмехнулся Рафаэль и присел рядом с мужчиной, закинув ногу на ногу. Майкл заказал себе и ему по бокалу «Хеннесси», и они провели в непринуждённой беседе ещё некоторое время.

— Не помешаю?

Рафаэль повернулся на мелодичный голос и растерялся. К их столу подошла женщина лет тридцати пяти в бордовом облегающем платье до середины бедра. Её светлые волосы мягкими волнами лежали на плечах и груди, на голове покоилась вычурная широкополая шляпа, а из макияжа была только помада в тон наряду. Рафаэль посмотрел в голубые глаза гостьи и понял, что этот пронзительно-развратный взгляд теперь долго, очень долго не удастся выкинуть из головы.

Женщина отодвинула стул и присела, не дожидаясь разрешения.

— Здравствуй, моя дорогая, — сказал Майкл и чуть приподнялся, чтобы поцеловать даме руку. — Рафаэль, познакомься, это Маргарет Стейси, я тебе говорил про неё сегодня.

— Можно просто Марго, — представилась женщина и протянула руку смущённому парню. Тот несмело припал к ней губами и тут же отстранился.

— Вы простите, — пробормотал Рафаэль, пряча взгляд в бокале с «Хеннеси». — Я немного взволнован.

— Ничего страшного, — отозвалась Марго, не отводя глаз от спутника Майкла.

— Он на самом деле славный парень, — вступил мужчина, но гостя быстрым жестом прервала его.

— Ничего не говори мне, Майкл. Я уже влюблена в него.

Марго поднялась на ноги, перегнулась через стол и взяла Рафаэля за рукав рубашки, плавно потянув за собой. Парень испуганно переглянулся с Майклом, на что мужчина едва заметно кивнул.

— Иди, не бойся.

Марго увлекла Рафаэля в одну из кабинок общего туалета, заперла дверцу и вовлекла его в настойчивый глубокий поцелуй, не дав ни единой возможности вырваться; он пытался её отстранить, однако женщина снова и снова прижимала парня к холодной стене кабинки. Марго играла с его языком, и Рафаэль отвечал ей неохотно и пугливо, едва справляясь с волнительной мелкой дрожью.

— Какой невинный ребёнок, — промурлыкала женщина, отступая. Будущий помощник рискнул возразить, но она прислонила палец к его приоткрытым губам. — Тебе ещё многому предстоит научиться. Мой маленький Ангелочек...

Марго тихонько рассмеялась и покинула туалет, вернувшись за столик. Рафаэль подошёл через несколько минут, и Майкл его ласково похлопал по плечу.

— Марго тебе всё покажет. Работа, конечно, не сахар, но девочки нереальные, и за них платят бешеные деньги. Ты только будь осторожен: клиенты у Марго — не шпана с улицы. Если кому не понравиться, уберут и не поморщатся.

Рафаэль понятливо кивнул и криво усмехнулся, на миг ощутив призрачное прикосновение холодного металла к виску.

Глава 3. «Венец»

Рафаэль спокойным шагом направился по длинному коридору в ту часть борделя, где находилась комната для общего сбора. Девочки в ожидании заняли стулья и кресла — все накрашенные, одетые в соблазнительные костюмы и платья из полупрозрачной ткани с фантастическими разрезами. Наряды демонстрировали красоту юных тел, и среди девочек лишь одна была по возрасту наравне с сутенёром. Остальным он годился в старшие братья.

— Добрый вечер, крошки, — поздоровался Рафаэль, и «ночные бабочки» махом окружили его, словно яркий фонарь. В их глазах, обрамлённых густыми ресницами, отразилось нетерпение. Девочка-феечка с пышными светлыми кудрями оделась в матовый комбинезон с разрезом от талии до щиколотки; приятные округлости под шифоном стали ещё более волнующими, и когда Рафаэль слегка задел пальцами молодую упругую грудь, «бабочка» встрепенулась и загорелась стыдливым румянцем.

— Ты однозначно не подходишь, Тильда, — задумался парень. — В этот раз нужно кое-что посерьёзнее.

Он взглядом выхватил из круга подопечных блондинку одного с ним роста, неулыбчивую, с гордо поднятой головой. Девушка стояла чуть поодаль, разительно отличаясь от остальных выдержанным стилем — на ней прелестно смотрелся сиреневый костюм из лёгкого сатина. Широкие брюки-клёш с высокой талией поверх облегающей блузы. Эта «бабочка» не продавалась мелким дельцам и сынкам богачей, потому она в удивлении подняла брови, увидев, что сутенёр глядит прямо на неё.

— Стёфани? — испуганно спросила Тильда, и Рафаэль уверенно кивнул в ответ. — Но почему? Она принадлежит сенатору. Её нельзя трогать.

— Здесь я решаю, можно или нет. Наш сегодняшний гость произвёл на меня паршивое впечатление, и если он сумеет разгадать намёк, я попробую наладить с ним контакт.

— Ангел, — негромким мягким голосом произнесла блондинка, — ты впервые так напряжён. Неужели настолько серьёзный клиент?

— Джейсон, — коротко бросил Рафаэль и снова затерялся в мыслях. Услышав знакомое имя, «ночные бабочки» начали взволнованно перешёптываться, и только Стефани довольно улыбнулась.

— По рыбе и крючок, — сказала она, и парень согласно качнул головой. — Рискуешь, Ангел.

— Рискую, но ты ведь поняла, не так ли? — Девушка кивнула. — Вот поэтому я тебя и выбрал. Пойдём.

***

Стефани Митчелл родилась в Далласе в семье Марты и Джона — продавщицы овощей и владельца местной цветочной лавки. Марта зашла в его маленький магазинчик поздним вечером, когда мужчина уже собрался уезжать домой. Она хотела купить букет, чтобы поздравить маму с юбилеем, но в округе все цветочные лавки пестрили надписью «закрывается». Джон как раз задержался, пересчитывая товар, и это стало спасением для Марты.

Девушка была по-настоящему красива. Длинные каштановые волосы обрамляли точёное личико, большие светлые глаза смотрели на мир по-детски наивно, поэтому Марта казалась ребёнком в свои двадцать шесть. Ей бы улыбаться с обложек журналов, делить ковровую дорожку со знаменитыми актрисами и звёздами Голливуда, но никто толком не замечал ни красоты Марты, ни её талантов. Она терпеливо сносила работу в овощной лавке и принимала

брань скупого хозяина, потому что дома её ждала больная мать. На себя у девушки совершенно не оставалось времени, и к моменту встречи с будущим супругом она уже не видела в жизни никаких перспектив.

Марта пленила мужчину удивительной внешностью и после двух лет ухаживаний, наконец, согласилась выйти за него замуж. Его бизнес начал активно расширяться и набирать обороты, Джон собрался открыть ещё две точки в разных концах города, и рождение ребёнка перестало выглядеть рискованной затеей. Марта забеременела двумя девочками, однако на седьмом месяце в их счастливой семейной жизни наступила полоса неудач.

Даллас постепенно перешёл под управление местных любителей сорить деньгами. Сенатор и мэр — значимые фигуры только для тех, кто не ведал истинного положения вещей. Теневой бизнес разрастался быстро, коммерсанты буквально с мясом вырывали друг у друга территории и устанавливали на них свои порядки.

О южных районах Далласа в результате пошла дурная слава. Никакие другие части города не пострадали от преступности больше, чем южная. Мэру и сенатору приходилось считаться с фактической властью, и заступиться за мелких предпринимателей они могли не всегда. Джон оказался, к несчастью, среди тех, до кого рука помощи так и не дотянулась. Бизнес мужчины потерпел убытки от «собираателей подати», тот взял за привычку срывать на беременной жене и превратился в нервного, вспыльчивого и пугливого человека. Джон подрывался с места от любого стука в дверь, думая, что опять пришли за его деньгами, и у Марты никак не получалось к нему подступиться.

Когда цветочное дело Джона окончательно пришло в упадок, девушка стала чувствовать себя не иначе как сидящей на пороховой бочке. У мужа не осталось ничего общего с тем обходительным нежным мужчиной, каким он был ещё три года назад. Он ругался теперь по-чёрному, пил, распускал руки и грозился убить Леонардо — того, кто загребал под себя южные районы и методично развязывал войну между группировками. Но дальше грязной ругани дело не заходило: Джон до смерти боялся выходить на улицу, отчего с удовольствием отыгрывался на слабой беззащитной супруге.

Однажды он настолько забылся, что у Марты начались преждевременные роды, и её на «скорой» срочно доставили в больницу. Рождённых девочек-близнецов поместили в инкубатор, но выжила только одна, и раздавленная горем Марта назвала её Стефани.

— Венец моей жизни, — сказала она, когда девочку впервые принесли ей на кормление. Уже тогда Марта начала задумываться о возвращении домой. Но не туда, где ждал её муж, а туда, где осталась пожилая мать.

В день выписки никто не приехал за ней в больницу. Супруг её встретил на кухне мертвецки пьяным и спящим, и под его оглушительный храп она покинула квартиру — с ребёнком на руках и большим чемоданом вещей, накопленных за годы семейной жизни. Марта больше не собиралась терпеть ни побои, ни грязную ругань, и самое главное, не хотела для Стефани детства на фоне скандалов и материнского плача.

Добиться развода получилось на удивление легко — Джон обвинил жену во всех смертных грехах и подписал документы, как будто избавился от жуткой напасти. Марта вернулась в родную «однушку» на Парк-Лейн и целиком посвятила себя заботе о малышке и матери. Девушка нанялась уборщицей в начальную школу, и в бесконечном круговороте обязанностей горечь расставания, а также смерти второй дочери, начала медленно притупляться.

***

Стефани росла спокойным ребёнком. Не бегала, как ошалелая, по двору, не кричала и не плакала без нужды. Ей достались от отца светлые волосы, от матери — внешняя красота и статная фигура, но в юности гармонию нарушило странное выражение глаз. Будто прелестную

диадему испортили поддельным кристаллом — вроде и не заметно, и в то же время сбивает с толку. Именно это выражение однажды заметил сенатор, когда перед Рождеством посетил школы Далласа с подарками для малоимущих детей. Он в это ввязываться не хотел, но предвыборная кампания заставила. Впрочем, его сожаление потеряло смысл, едва мужчина наткнулся взглядом на Стефани, стоявшую почти в самом конце длинной шеренги счастливых учеников. Она как раз оканчивала среднюю школу и была высокой девочкой с надменно вздёрнутым подбородком. Стефани улыбалась, как и все, но улыбка её оставляла неприятное впечатление.

Она, сама того не желая, поразила сенатора испорченностью, которую только предстояло раскрыть в полной мере. Девочка — точно яблоко с подгнившим бочком: красивое, яркое, привлекающее, но поверни другой стороной, и аппетита как ни бывало. К тому же Стефани прекрасно училась и планировала поступить в университет. Сенатор зацепился за неё, посылая ненавязчивые пожелания видеть девушку в числе участниц различных олимпиад и конкурсов. Просьбы доходили через множество прослоек власти, затем через мэра к директору школы, завуалированные, но доступные в той степени, чтобы понять их правильно. Сенатор видел в ученице серьёзный потенциал и прежде прочего хотел вывести её в люди в числе других, не менее мозговитых, выпускников.

Мужчина позаботился о Стефани и в плане дальнейшего обучения. Она к концу школы начала сомневаться, выбирая ВУЗ, но после выдачи аттестатов ей вручили официальное приглашение на учёбу в Гарварде. Это стало серьёзным шагом со стороны сенатора, потому что сразу возникли сплетни и в кругу школьных преподавателей, и среди учеников. Слухи, будто Стефани превратилась в протее одного из влиятельных людей. Отчасти это было правдой, потому что холостой сенатор, мужчина чуть за сорок, поймал себя на очень интересной, хоть и непристойной мысли. С его подачи девушка активно изучала дисциплины факультета связей с общественностью, часто появлялась на разных лекциях и презентациях и на каждом из мероприятий неизменно встречалась с сенатором.

— Вы отлично справляетесь, Стефани, — сказал он, когда столкнулся со студенткой в очередной раз. Она удивила его, покачав головой:

— Ничего не говорите, господин сенатор. Я всё знаю и обязательно вас позже отблагодарю.

Мужчине стало не по себе. Вроде и тон доброжелательный, и голос приятный, но улыбка настолько холодная, что сенатор немного растерялся. Да и слова прозвучали с незнакомым оттенком лукавства, который заставил мужчину в тревоге поёжиться.

Они встретились наедине после конференции, посвящённой инновациям в сфере PR-менеджмента. Сенатор пригласил её в один из люксовых номеров «Omni Dallas Hotel». В непринуждённой обстановке Стефани налила мужчине виски и села напротив. Он смотрел на неё долго, прежде чем решился заговорить, но стоило ему начать, как девушка поднялась и взмахов пальцев оборвала фразу на середине. Она прихлебнула из своего бокала, сняла туфли и приталенный пиджак и с той же холодной улыбкой опустила перед сенатором на колени.

— Я знаю, что такое бизнес, — проговорила Стефани, плавно расстегнув мужчине ремень на брюках. — Знаю, что вы не главная фигура на шахматной доске. Возможно, ферзь, но не король, как принято думать. И также знаю, что рано или поздно мне пришлось бы платить по счетам.

Сенатор в оцепенении хватил воздуха ртом. Он ничего не смог ответить, мысли перепутались, и накатила волнительная дрожь; девушка полностью завладела им. Мужчина и представить не мог, что его протее давно знакома с Маргарет Стейси, и та успела просветить её, как на самом деле ведутся дела.

— Будь моей женой, — выдал сенатор, когда откинулся на подушки. Он тяжело дышал и никак не мог избавиться от ощущения, что всё это происходит не с ним. Стефани лежала рядом, прикрытая одеялом.

— Вы хотите иметь женой проститутку? — спросила она расслабленно.

— Я выкупаю тебя у Марго. Завтра... нет, сегодня же поеду к ней и выкуплю тебя.

— Не выйдет.

Сенатор приподнялся на локте и настороженно заглянул девушке в глаза.

— Почему?

— Потому что у меня иное предназначение. Я заплатила вам за помощь, возможно, заплачу ещё раз, когда узнаю, сколько вы на меня потратили. Впрочем, — добавила Стефани, — могу предложить альтернативу. Желаете обсудить?

Сенатор кивнул. Он не так много вложил, как могла подумать его возлюбленная. Он всего лишь захотел показать миру достойного человека, но не учёл, что это странное выражение глаз, какое довелось ему увидеть при первой встрече, перерастёт в отвратительную черту характера.

Стефани выросла расчётливой стервой до мозга костей. Она предложила сенатору сделку: он оставляет её в борделе Марго, потому что девушка обязана ей куда больше, чем мужчине, но вместе с тем протеже переходит в статус персональной проститутки. Фактически Стефани предложила сенатору выкупить не её саму, а исключительное право пользования ей. Сопровождение на официальных мероприятиях, развлекательных и деловых, ведение переговоров и, конечно же, секс.

— Если хотите, — сказала она, — можете обратиться к тeneвым королям и попросить об услуге. Свидетельство о браке обойдётся недёшево, но тут всё зависит от вас.

— Почему тебя нельзя просто выкупить, — разочарованно спросил мужчина, — и сделать первой леди штата?

— Потому что Марго сделала для меня слишком много, и бюджета всего Техаса не хватит, чтобы от неё откупиться.

Сенатор грустно усмехнулся. В гонке за смазливym личиком он не уделил должного внимания прошлому — её самой и её родителей. Мужчина только сейчас понял, что своими собственными руками подпилит сук, на котором сидел.

— Когда ты стала такой? — бросил сенатор, поднялся с кровати и начал одеваться. Стефани поднялась вслед за ним.

— Ещё в далёком детстве, когда узнала, что моя семья распалась не сама по себе.

— Расскажи мне об этом, — попросил мужчина, но девушка решительно мотнула головой.

— Если расскажу, будет не интересно. Но попробуйте спросить у Марго. Быть может, она поделится с вами по старой дружбе.

Она встряхнула копной прямых белокурых волос и отправилась в ванную. Сенатор для неё — лишь очередная ступень на пути к достижению поставленных целей, и теперь девушке стало куда проще напомнить о себе.

***

Рафаэль отлично знал всю биографию Джейсона от рождения до сегодняшнего дня, но выдавать себя не стал. И раз хозяин юга соизволил сам явиться в бордель, парень решил не упускать момента. Стефани сразу поняла его намёк и любопытный смысл, который сутенёр собрался вложить в её появление перед гостем.

Девушка в красках представила, как увидит желанное смятение в глазах мужчины, и смело шагнула за Рафаэлем в коридор.

Глава 4. Хозяин юга

Леонардо Гарсия с юности прослыл «зверем» среди местной дворовой шпаны. Старшие прозвали его кратко Лео, но ассоциация со львом пришла к нему лишь долгие годы спустя — когда он обуздал фонтан эмоций и безмерную жестокость превратил в особую черту характера, важную для большого нелегального бизнеса.

Леонардо не скрывал ни от родителей, ни от сверстников, что никогда не будет порядочным гражданином. Его с малых лет не устраивало место в кругу «ботаников» и просто хороших детей, а те, кто считал себя отпетыми хулиганами, казались мальчику просто позёрами. Они не имели ничего общего с тем контингентом, который, если нужно, мог себе позволить гораздо больше, чем разрешено законом, и вот это самое «если нужно» плодило в голове Леонардо вполне чёткие представления о желаемом будущем.

Его юность пришлось на пик преступности в США — в семидесятые и восьмидесятые годы она захлестнула страну, и Леонардо оказался в гуще криминальных разборок. Он целенаправленно примкнул к самой многочисленной банде Далласа, раскрылся во всю силу, какую вынужденно скрывал, и очень быстро завоевал доверие не только товарищей, но и босса. Леонардо выполнял поручения лидера, защищал его, участвовал в перестрелках и жестоко расправлялся с предателями. Эта неизмеримая жажда крови за три года поставила его на одну планку с наиболее приближёнными к боссу людьми, и все подумали, что рано или поздно он захочет сместить кого-то из них. Или вовсе заявить право на статус главы группировки.

Однако Лео не стал бороться за более высокую должность. Он построил отношения с лидером как со старшим братом и наставником и пришёл к нему, чтобы попросить о выходе из банды. Духовная привязанность Леонардо выступала серьёзным противовесом его жестокости, но вместе с тем он чувствовал, что оставаться в тени вечно у него не получится.

— Ты же понимаешь, что это сделает нас врагами? — сказал босс.

— Понимаю, но я буду бороться за территорию с другими, а не с тобой. Ты дал мне достаточно опыта, и теперь я хотел бы идти своим путём.

Босс отпустил его, и, уходя, Лео крепко с ним обнялся в знак особенной симпатии.

— За мной должок, — сказал он, улыбнувшись, и обещал не потеряться в самостоятельной жизни.

Леонардо в течение года собирал по всему Далласу конченных ублюдков и создавал из них новую группировку, в корне отличную от других. Он сам их проверял, учил не махать оружием без нужды и быть преданными делу. Его методы захвата территорий удивляли особой изощрённостью: Лео больше не действовал одними кулаками и не оставлял следов бесконтрольной агрессии на улицах Далласа. Четыре года наблюдая за лидером, он учился выплёскивать эмоции в тренировочных залах, и пусть истерзанную боксёрскую грушу меняли каждый раз после его прихода, такая разрядка позволяла обдумывать стратегию ясным умом. Иными словами, Лео взял на заметку соображения босса и вместо бездумных перестрелок начал устраивать мирные переговоры на нейтральной земле. Он попробовал добиться соглашения между бандами, заключить союз и разделить территории для дальнейшего сотрудничества, но ничего из этого не вышло. Группировки Далласа предпочли сохранить удобную варварскую политику захвата и чётко дали понять, что ни о каком союзе не может быть и речи. Лео с этим не согласился и решил во что бы то ни стало превзойти весь этот, как он выразился, цыганский табор.

Он продолжил иногда встречаться с лидерами группировок, но полностью изменил подход и ненадолго вернулся к грубой силе, закончив на собраниях убеждать одним красноречием. Он месяцами наблюдал за боссами, грубо копируя их манеру вести дела; его люди внедрялись

в банды соперников, вытягивали необходимую информацию и за столом переговоров становились весомым аргументом, когда дело доходило до угроз. Леонардо умело осаживал противников, предоставляя то откатную расписку для местного патруля, то отрезанные головы союзников. А когда за столом переговоров появлялись шпионы, боссы в отчаянии хватались за голову, и после этого Лео не составляло особого труда окончательно выбить почву у них из-под ног.

И всё это шло параллельно со вполне легальной деятельностью. К восемнадцати годам парень окончил школу, поступил в университет и начал осознанно вкладываться в отцовский бизнес. Мужчина владел маленьким хостелом и не страдал от недостатка клиентов, но все заработанные деньги уходили на аренду здания, а также на множество мелких расходов. Посетители хостела не всегда отличались хорошим воспитанием, потому постельное бельё, к примеру, приходилось полностью менять на новое едва ли не каждый день, это весомо сказывалось на бюджете, и прибыли почти не оставалось.

Отец не вдавался в подробности, откуда у сына деньги на вложения в бизнес. С одной стороны он помнил о стремлении парня уйти в криминал и всё ещё надеялся, что у Лео временное помешательство на фоне вечной нехватки денег. Не упускал мысли, что парень скоро образумится. А с другой стороны мужчину его связи с преступным миром несколько обнадеживали: «собиратели податей» уже пару раз приходили по его душу, а теперь в лице сына появилась надежда на спокойную жизнь — из-за влиятельных знакомых Лео бандиты уже не тронут ни его, ни семью.

Леонардо полностью пересмотрел политику ведения бизнеса и начал в первую очередь с расширения клиентской базы. Полученные в университете знания он совместил с той информацией, что вычерпал из тематической литературы и личного опыта. К двадцати четырём годам он превратился в успешного коммерсанта, принял бразды правления от отца и не только увеличил приток клиентуры, но и перевёл дело на новый уровень. Хостел переехал из старого помещения в новое, и в нём стало на порядок больше комнат и возможностей для гостей, как постоянных, так и новых.

В двадцать пять Леонардо женился на местной американке, Санди, дочери одного из старых знакомых. Тот был владельцем крупной строительной компании «Гранде», и этот брак одобрили, скорее, из расчёта на укрепление личных позиций. Молодой коммерсант открыто заявил свои права на место в гостиничном бизнесе, и родство с такой важной фигурой в строительной сфере стало серьёзной опорой для дальнейшего развития.

Естественно, за всеми легальными делами Леонардо не забыл о старых друзьях и подопечных, которые помогли ему подняться. Он присвоил банде официальный статус клана — не семьи, как это принято у итальянцев. Молодой человек устроил их на работу, чтобы прикрыть нелегальный доход стабильным официальным заработком, наладил систему «откатов» для местных блюстителей порядка, начиная с патруля, заканчивая лицами высших судебных инстанций. Адвоката ему подобрал тесть, и Леонардо со спокойной совестью завершил давно начатое дело — вырвал из рук «цыган» (или «дворовых обезьян», как он изредка выражался) оставшиеся южные районы Далласа. Мэру пришлось прикусить язык, когда на официальной встрече молодой мужчина осадил его, вскользь упомянув о подтасовке результатов мэрских выборов. Сенатор же благоразумно промолчал, потому что информация из надёжных источников о прошлом Лео поступила к нему гораздо раньше отчёта о проведённой встрече.

Банда, с которой в жизни Леонардо всё началось, к этому моменту потеряла главенствующее положение. Он с горечью принял от бывших соратников известие о гибели босса и понял, что сейчас самое время рассчитаться по долгам. Так как банда значилась на его территории, он частично легализовал её деятельность, устроил на работу каждого члена группировки и оставил людей под своим контролем. Те преступные сообщества, что не удалось истребить в перестрелках, по приказу Леонардо либо вывели из игры в подстроенных несчастных случаях,

либо в тёмных переулках загасили по одному. Таким образом к сорока годам мужчина основательно избавился от мелкой заразы, способной точить на него зуб.

Санди родила мужу сына, и тот назвал его Ясоном, решив воздать должное греческим корням по материнской линии. Мужчина мечтал о старости, проведённой под ласковым солнцем Арты, прогулках по тенистым улочкам и манящем аромате цитрусовых. Однако местная культура наложила на мальчика свой отпечаток, и тот, как научился разговаривать, стал упорно называть себя Джейсоном на американский манер. К тому же, глядя в свидетельство о рождении, люди всегда ошибались, читая латинское написание имени «Jason» как «Джейсон». Отец замучился их исправлять и, видя, что сыну такое звучание нравится больше, вскоре перестал. Такое сильное разочарование он испытал впервые, и в качестве некой отдушины для удручённого мужчины мальчик позволил называть себя по-старому в стенах родного дома.

Джейсон не питал особого интереса к отцовским занятиям. Он целыми днями пропадал в библиотеке или в компьютерном клубе. Гостиничный бизнес его не интересовал, он болел искусством и любил облекать увиденное в красочные словесные образы. Экономическая теория и методы управления компанией, которые отец старался пояснять буквально на пальцах, наводили на мальчика откровенную скуку, зато фантастику он читал запоем.

— Я стану писателем! — восклицал Джейсон, показывая родителям очередной исписанный листок. Даллас действительно стал бы отличной стартовой площадкой для талантливого деятеля искусств, но Леонардо не хотел сыну такой судьбы. Всё, что он годами строил — отношения, связи, — Джейсон-писатель обязательно пустит коту под хвост, а вот Джейсон-делец не только удержит компанию на плаву, но и укрепит позиции на мировом рынке. Именно эту деловую черту отец пытался разбудить в мальчишке, но тот упорно не хотел воспринимать всерьёз ответственность, какую Лео желал на него возложить.

Джейсон усиленно работал над собой, совершенствовал слог, участвовал в конкурсах, как от школы, так и вне её, и мальчика, наконец, заметили критики. Его дела пошли в гору, он принял приглашение учиться мастерству писателя у видных представителей литературы и вскоре стал известным не только в Далласе, но и далеко за его пределами.

Отец не занимался продвижением сына, но не прошло и года, как Джейсон явился на порог дома с разбитым носом и сломанной рукой на перевязи.

— Почему ты в таком виде? — изумлённо спросил Леонардо, подбежав к юноше, но тот замотал головой и прошёл в гостиную.

— Лучше скажи, — бросил Джейсон, опустившись в кресло, и взволнованный мужчина присел напротив него, — с какой стати меня защищает мафия?

Судя по голосу, он накопил недовольства по самый край и теперь пристально смотрел на отца в ожидании пояснений.

— Я много интересного узнал о тебе и о том, как ты ведёшь дела, — продолжил юноша, осознав, что Леонардо не собирался отвечать. — Почему не рассказал об этом сразу?

— Потому что не видел смысла, — отозвался мужчина, не поднимая глаз. — У тебя одна писанина на уме, и я решил, что будет лучше, если ты сам до этого дойдёшь.

Джейсон промолчал. Под внимательным, пронзительным взглядом шестнадцатилетнего сына Леонардо почувствовал себя очень неловко, и прошло несколько томительных минут, прежде чем он снова заговорил.

— Я был жестоким ребёнком, Ясон, — начал мужчина и поведал Джейсону всю историю восхождения от обычной дворовой шпаны до владельца серьёзного гостиничного бизнеса. О том, как безрассудно кидался в драку, как закрывал босса собственным телом под перекрёстным огнём, как вёл переговоры, держа за волосы оторванную голову. О том, как поменялись его взгляды с возрастом, о знакомстве с супругой и партнёрском соглашении компаний — его

сети гостиниц и строительной громады её отца. А также о рождении сына и надеждах, которые тот не оправдал.

— Мне скоро предстоит уйти на покой, — сказал Леонардо с едва заметной мольбой в голосе, — но поставить на моё место некого. Я бы, может, и заделал другого сына, но, боюсь, для моей Санди это станет серьёзным ударом по здоровью.

— У тебя есть управляющий, — возразил Джейсон. — Передай дела ему. Разве он плохо справляется?

— Наоборот, лучше, чем кто-либо другой, но я не хотел бы передавать управление семейным бизнесом чужому человеку. Ты — моя единственная опора, Ясон, я вижу в тебе сильного управленца и не понимаю, почему ты так упорно отрицаешь это.

— Может, потому, что мне просто не интересно? — развёл руками юноша. — Я хорошо умею писать, мои книги скоро выпустят полноценным тиражом, и для меня экономическая теория всё равно что руководство к космическому кораблю на китайском языке. Я ничего не понимаю.

— Ты даже не пытаешься, — раздражённо бросил отец и поднялся на ноги. — Хочешь, открою одну маленькую тайну? Писательство — тоже бизнес. Он также строится на принципе купли-продажи, и ты глазом моргнуть не успеешь, как твоё авторское право перекупит какой-нибудь никудышный писака, способный сорить деньгами. И чем больше он сумеет заплатить, тем меньше у тебя шансов на борьбу. Ты обязан быть умнее других, чтобы не оказаться мордой в грязи, и я надеюсь, что рано или поздно тебе удастся это понять.

Леонардо покинул гостиную, оставив сына наедине с самим собой. Больше они к этому разговору не возвращались, но Джейсон ещё долго ходил как в воду опущенный. Отцовские слова впечатлили его, и пусть он, как и прежде, противился причастности к семейному делу, восприятие мира неизбежно стало другим.

В силу юного возраста Джейсон не старался полностью охватить происходящее вокруг себя. Он продолжал заниматься любимым делом, принимать заказы и идеи для новых романов, но чем больше появлялся на авторских встречах и конференциях, чем больше заводил знакомств и наблюдал за работой связанных с ним людей, от личного менеджера до глав издательств, тем сильнее разрасталось недоверие в его сердце.

«Писательство — тоже бизнес», — не выпускал он из головы и только к двадцати годам окончательно понял весь глубинный смысл этой фразы. По первому принципу всё покупалось и продавалось, львиную долю авторского заработка делили между собой издательства и менеджеры, а писателю доставалась в итоге лишь пятая часть дохода. Джейсон остро ощущал нехватку личного опыта и знаний отца; его надували на каждом шагу, делая марионеткой в руках крупных издателей. В этом плане парень сумел усвоить и второй принцип ведения бизнеса — либо ты, либо тебя. Без должного представления о системе взаимодействия между прослойками власти, даже если это всего лишь цепочка людей от издателя к личному менеджеру, его могли раздавить как муху и заменить другим автором, таким же глупцом, из которого можно выжать максимум прибыли. Отсюда Джейсон вывел и третий принцип — незаменимых людей не бывает.

Немалую роль сыграла и возросшая популярность детективных романов, отчего Джейсону срочно пришлось менять направленность работ в угоду потенциальному читателю. Такая перемена совпала с некоторыми трудностями, возникшими между парнем и одним из издателей, однако в тот момент о себе напомнили старые знакомые отца. Теневые коммерсанты лишь однажды ввязались в дела Джейсона, в день, когда состоялся тот переломный разговор с Леонардо, и теперь показались снова. Их пути никаким образом не пересекались, эти люди не стремились подружиться с молодым автором и держались особняком, словно наблюдали. Для Джейсона их вмешательство стало ценным уроком, из которого он выделил четвёртый принцип — ты без связей не более чем мелкая вошь.

Первый же детектив он решил обязательно сделать сенсацией в книжной индустрии, но для этого следовало очень постараться. Парень целенаправленно обратился за помощью к теневым магнатам, договорился заплатить услугой за услугу и выведал информацию о тёмных делах менеджеров и издателя, с которыми Джейсон непосредственно работал. Полученные данные он слегка изменил, оставив намёк на их достоверность для тех, кого хотел уязвить, разобрался в особенностях детективного сюжета и за полгода написал роман, который прежде редакторов отдал на оценку отцовским знакомым. Сказать, что они удивились, значит, ничего сказать. Рукопись вернули Джейсону с предупреждением — после издания немедленно вернуться к отцу, и парень с улыбкой пожал плечами.

Роман оказался не просто фантастической сенсацией. Вся цепочка людей, кому Джейсон адресовал коварный смысл между строк, не только ясно увидела себя в героях нового детектива, но и получила неприкрытую угрозу. Таким рискованным шагом Джейсон убил сразу двух зайцев — набрался нужного опыта для принятия отцовского дела и заодно показал изнанку литературного мира своё истинное лицо. Издателя это настолько шокировало, что он не рискнул разорвать контракт, однако Джейсон сам пожелал завершить на этом писательскую карьеру.

Он полностью вышел из сферы искусства и поступил на учёбу в Стэнфорд. Очень многие бизнесмены привели сюда своих наследников, и парень, параллельно обучаясь у родителя искусству построения деловых отношений, заводил дружбу с теми, кто мог бы стать потенциальными партнёрами в будущем.

— Ты же говорил, что тебе не интересно, — лукаво улыбнулся Леонардо, когда сын попросил передать ему управление сетью гостиниц.

— Говорил, — согласился Джейсон, — но и ты как-то сказал, что писательство — тоже бизнес, и что однажды я это пойму.

Леонардо не мог нарадоваться возвращению сына домой, но тот не разделял его счастья. Уже два года вместо отца во главе сети стоял бывший управляющий Генри. Джейсон пристально следил за ним на протяжении трёх месяцев; он вычислил, что Генри часть доходов и расходов не указывал в документах и в целом творил в бухгалтерии всё, что хотел. Сын об этом доложил отцу и попросил в одностороннем порядке подписать документ о передаче права управления. Конечно, не без участия семейного адвоката.

Как только встреча с ним состоялась, на следующее утро парень спокойно пришёл в отцовский кабинет, который теперь занимал Генри, выложил перед ним бумаги и в каждую из них едва ли не впечатал носом. Этим же вечером он вышвырнул бывшего управляющего за порог с вещами и без выходного пособия. Ходили слухи, будто Генри обратился к многочисленным друзьям и влиятельным знакомым, но те не стали связываться с Джейсоном и отказали в помощи.

Новый хозяин юга потратил достаточно времени, чтобы привести в порядок отчётность компании, провести аудит и восстановить баланс между реальным доходом и всеми расходными статьями. Без штрафа не обошлось, но семейный адвокат ухитрился количество нулей сократить до минимума.

В свои двадцать семь Джейсон Гарсия не думал о серьёзных отношениях и частенько пользовался услугами девочек из борделя Марго. Он познакомился с ней сразу после окончания Стэнфорда, когда праздновал двадцать пятый день рождения, и та велела не светиться у неё в гостях лишний раз, а присылать доверенных. Мужчина так и поступал, наивно думая, что «товар» ему подбирала сама владелица, но стоило ему впервые за последний год явиться собственной персоной, как реальность удивила. И, скорее, неприятно, чем наоборот.

Глава 5. Погоня

Джейсон практически не слушал, о чём ему говорила Марго. Её голос негромко звучал на фоне, мозг иногда воспринимал отдельные слова, никак друг с другом не связанные. Мужчина с головой ушёл в себя, как только Рафаэль оставил их наедине. Впрочем, по старой привычке женщина коснулась его худого лица, и это лёгкое прикосновение заставило гостя едва заметно вздрогнуть и вернуться в реальность.

— Не стоит так волноваться, — сказала женщина успокаивающим тоном. — Мой Ангел всегда подбирал для тебя хороших девочек. Разве ты хоть раз оставался недовольным?

— Нет, — ответил Джейсон, — но я думал, что ты никому не позволяешь выбирать для меня «товар».

— Да, но Рафаэль оказался находкой для моего борделя, — промурлыкала Марго. — Он многому научился у меня, многое понял сам, но знаешь, среди сутенёров не найдётся никого лучше, чем он.

— Ты просто влюблена в него, вот и весь секрет успеха, — негромко засмеялся Джейсон, и Марго обиженно поджала губы.

— Может и так. Но ведь он и тебя чем-то зацепил. Ты сам не свой с тех пор, как я вас познакомила, и не думай, что я не вижу.

Мужчина тут же перестал смеяться и нахмурился, отвернувшись от хозяйки борделя. В тот же момент в приёмную вернулся Рафаэль, широким шагом прошёл до Марго и что-то прошептал ей на ухо. Женщина вся напряглась и сдержанно кивнула.

— Вам, может быть, чего покрепче принести? — поинтересовался Рафаэль и начал загибать пальцы. — Виски, бренди, Хеннеси, вино, пиво? Есть абсолютно всё.

— Вы обещали меня удивить, — недоверчиво отозвался Джейсон, покосившись на дверь в коридор. — Или передумали?

— Нет, но посчитал, что вам бы не помешало прежде выпить. Если вы не против, конечно.

Мужчина с тревогой взглянул на стоявшего рядом с Марго сутенёра, но тот не дал ни малейшего намёка на подвох.

— Ваш сюрприз настолько невероятный, что без рюмки никак? — спросил он, усмехнувшись, но усмешка вышла нервной, и Рафаэль разочарованно вздохнул.

— Обижаете, Джейсон. Вы сильно скованны, это видно невооружённым глазом, и я подумал, что стакан виски поможет расслабиться. Ну, — пожал он плечами после короткого молчания, — моё дело предложить, как говорится.

Рафаэль вышел в коридор, и вместо него порог приёмной переступила Стефани. Марго, как и велел сутенёр, прикусила язык, чтобы не вырвалось ничего лишнего, и осталась сидеть на месте. Рафаэль не появился следом, потому Стефани полностью взяла ситуацию в свои руки.

— Ну как, — игриво спросила она Джейсона, который явно не ожидал её прихода, — нравится подарок?

Молодой бизнесмен в изумлении поднялся на ноги и переглянулся с Марго, но та лишь развела руками. Он надеялся увидеть кого угодно, хоть чёрта лысого, но чтобы девочку сенатора... Она была запретным плодом для всех без исключения, и растерянный Джейсон плюхнулся обратно на диван.

— Выпьете? — насмешливо спросил Рафаэль, и мужчина подёрнул плечами. Он даже не заметил, когда сутенёр успел вернуться; тот стоял возле косяка, прислонившись к нему спиной, и покачивал в руке только что открытую бутылку виски.

— Определённо выпью, — буркнул Джейсон, и Рафаэль наполнил ему стакан до краёв. Первую половину гость осушил залпом, вторую растянул на пять минут молчаливых раздумий. Прохладный алкоголь немного успокоил разыгравшиеся нервы, но обоснованной тревоги всё же не сумел развеять.

Джейсон отодвинул от себя пустой стакан и внимательно посмотрел сутенёру в глаза. Стефани опустила на диван справа от гостя, и тот несмело притянул её к себе.

— Мне кажется, вы меня переоцениваете, — сказал мужчина, не сводя с Рафаэля пристального взгляда. Тот понимающе качнул головой.

— Доверьтесь мне. Я знаю, что делаю.

Джейсон снова подозрительно прищурился и тут боковым зрением заметил, как изогнулись в знакомой улыбке губы Стефани. Она улыбнулась так лишь однажды на его памяти — когда пообещала напомнить о себе и своём прошлом, и это воспоминание прошибло гостя ощущением жгучего холода по спине.

— Ты знал, — выдал он неприязненным тоном, но Рафаэля это не смутило. Напротив, он с удовольствием подхватил переход собеседника на неформальное общение.

— О твоей связи со Стефани? Да, я знаю о её причинах ненавидеть мафию. В особенности тебя. О, — поправился сутенёр, — прошу прощения, не совсем так. Твой отец...

— Мой отец, — перебил его Джейсон, — загребал под себя южные районы и не заботился о мирном населении. Я не такой, как он, и если уж ты так подробно меня изучил, то должен об этом знать.

— Конечно, — согласился Рафаэль и сложил руки на груди. — Потому с моей стороны это не угроза, скорее, напоминание.

— И возможность подцепить меня на крючок, не так ли?

— Шантаж? — фыркнул сутенёр и покачал головой. — Думаешь, мне заняться больше нечем? Нет, в какой-то мере ты прав, но на досуге поразмысли ещё раз. Я не об этом хотел тебе сказать.

Рафаэль подошёл к столу, налил себе виски и сделал сразу несколько больших глотков.

— Во сколько она мне обойдётся? — негромко спросил Джейсон и перехватил руку Стефани, которая уже наполовину скрылась под его расстёгнутой рубашкой.

— Вот у неё и спроси, — отозвался парень. — На эту малышку я не устанавливаю цену, она сама по себе.

— А если не сумею расплатиться?

Рафаэль переглянулся со Стефани, и та шепнула:

— Это вряд ли.

Рафаэль — не только сутенёр, но и постоянный сопровождающий для девочки сенатора. Джейсону не разрешили ехать со Стефани без него, и парень деловито прошёл к машине, белой «Citroën Xantia», в которой за рулём сидел мужчина средних лет.

— Я сяду вперёд, — скомандовал Джейсон и сам открыл заднюю дверь. — Вы вдвоём — назад. Тебе такси до борделя вызвать, — обратился он к сутенёру, — или у меня останешься?

Тот неопределённо пожал плечами.

— Стефани и сама отлично справится. Я там буду лишний.

— Как знаешь.

Они сели в автомобиль и помчались в арендованный домик за городом на максимально допустимой скорости. Водитель молча выполнял свою работу, периодически глядя в боковые зеркала. В зеркало над головой он почти не смотрел, в то время как Джейсон заглядывал в него постоянно.

Машина пронеслась через весь Даллас по ярко освещённым улицам и выехала на окраину, на трассу «I-20». Водитель затормозил.

— Похоже, придётся в объезд, — сказал он, вздохнув, и переключился на заднюю передачу. Рафаэль машинально схватился за подголовник водителя, сразу поймав на себе встревоженный взгляд хозяина юга.

«То ли интуиция меня кроет, — подумал он, присмотревшись к поваленному дереву, — то ли я с ума схожу».

Автомобиль покатился по наклонной вверх обратно к трассе и остановился для разворота. Рафаэль потянулся к ремню безопасности; он захотел отстегнуть его и глянуть в боковое окно, не закрытое тонировкой, однако что-то в механизме заклинило, и замок не поддался. Парень чертыхнулся про себя и дёрнул ещё раз — безрезультатно.

— У вас ремни сломанные, — буркнул он, ткнув Джейсона пальцем в плечо, и в ту же секунду мир перед глазами рассыпался яркими звёздами. Всех четверых от удара швырнуло вперёд; раздался оглушительный треск сминаемого пластика, заднее стекло разлетелось вдребезги и дождём обрушилось на головы сутенёра и Стефани. Заднюю часть машины подняло над землёй и бросило обратно на асфальт. Рафаэль поймал себя на мысли, что с головой у него всё-таки порядок.

«Впервые жалею, что промолчал», — подумал он, рванул в очередной раз ремень безопасности, и тот, наконец, поддался. Парень развернулся к Стефани, помог ей собраться и приказал укрыться на полу под сидением.

— Джейсон! — позвал он. — Джейсон!

Заказчик не ответил. Ему повезло меньше: он так и не пристегнулся, поэтому крепко ударился лбом о приборную панель и откинулся на спинку кресла без сознания. Кровь из носа залила Джейсону лицо и шею и расплзлась безобразными потёками по рубашке.

— Вот дерьмо!

Рафаэль выхватил из кобуры пистолет, который всегда носил с собой, и обернулся. В их подержанный белый «Citroën» на полном ходу влетел «G-Wagen», промявший корпус машины до самых сидений. Двери открылись почти синхронно, и из «немца» выпрыгнули трое не внушающих доверия мужчин — тоже с пистолетами наперевес.

— Быстро, — крикнул Рафаэль водителю, который в это время пытался привести хозяина в чувство, — дави на газ! — Мужчина в изумлении вытаращился на парня. — Дави, я сказал!

Тот спешно повернул ключ и буквально ударил ногой по педали. Раздался отвратительный скрежет, запахло палёной резиной; машина понеслась, набирая скорость. Всполошённые преследователи открыли огонь после краткой заминки, и пули звонко застучали, застревая в обшивке автомобиля.

— Сиди там! — бросил Рафаэль, когда Стефани захотела вылезти из-под сидения. Он ловким движением проверил магазин, защёлкнул его обратно и высунулся из заднего окна. — Чёрт!

«Mercedes» опасно сокращал расстояние, и пистолетные дула торчали из боковых окон. Искорёженный бампер «Citroën» искрился, задевая дорогу, дальний свет «немца» ослеплял и не давал Рафаэлю нормально прицелиться, в то время как пули догонявших уже не первый раз свистели возле головы.

— Стреляй по фарам! — гаркнул водитель, но сутенёр не услышал. Он в принципе не слушал; скрежет пластика по асфальту оглушал, и парень целился наугад.

Очередным выстрелом пробило заднее колесо «Citroën», и машина подпрыгнула, завалившись на одну сторону. Стефани испуганно вскрикнула.

«Твою мать! — выругался про себя Рафаэль и снова высунулся из заднего окна. — Ничего не вижу!»

— Стрелять умеешь? — спросил он водителя, и тот кивнул.

— Куда лучше, чем ты думаешь.

— Тогда махнёмся, не глядя!

Они прямо на ходу поменялись местами — парень сел за руль, а мужчина перелез назад. Рафаэлю однажды приходилось так делать, отрываясь от банды восточного Далласа на старой «Honda». Правда, сейчас за ним по ночной трассе гнался «G-Wagen», а не «Daewoo», скрипящая, как несмазанная телега, и это значительно усложняло ситуацию.

Рафаэль принял немного вправо и начал намеренно вилять по дороге, не давая поймать себя на прицел. Водитель старался попасть по колёсам, но сидевший за рулём «немца» взялся часто моргать фарами, отчего перед глазами мужчины заплясали чёрные круги.

— Ублюдки! — выдал он в ярости и добавил к этому с десятков сочных непереводаемых эпитетов. Когда водитель опять высунулся в окно, шальная пуля задела ему плечо, и тот упал на сидение, выронив пистолет.

«Хуже не придумаешь», — вздохнул Рафаэль. Яркий свет от фар сместился влево, и парень вдавил педаль газа в пол, осознав, что «G-Wagen» пошёл на обгон. «Xantia» жалобно загудела, но быстрее не поехала; машины поравнялись, и Рафаэль встретился лицом к лицу с одним из преследователей. Казалось, тот на миг опешил, увидев знакомого сутенёра; этой секунды хватило, чтобы ударить по тормозам и развернуться, и пока «Mercedes» заносило на непредвиденном повороте, водитель Джейсона успел выпустить пару пуль по колёсам. «G-Wagen» дёрнулся на пробитых шинах и резко осел, накренившись.

— Газуй!

Рафаэль переключил передачу и вновь заставил машину с натужным гудением двинуться вперёд. Догонявшие открыли шквальный огонь, когда «Xantia» проехала мимо, и сутенёр не сумел уклониться от пуль. Одна вонзилась ему чуть выше колена, вторая пробила левую руку в районе плеча. От боли Рафаэль потерял управление, но быстро вернулся на нужную полосу, выровнял автомобиль и глянул в зеркало над головой.

— Вы как?

Водитель поднял палец вверх. Пуля задела его по касательной; Стефани он закрыл своим телом, и та осталась полностью невредимой, если не считать ссадин от осколков стекла и в будущем синяков.

Джейсон после удара о панель больше никак не пострадал. Он за время погони съехал по сидению так низко, что прямым выстрелом не задеть, и это спасло ему жизнь.

Рафаэль отвёз клиента домой. Он остановился у ворот особняка и передал Джейсона его семье вместе со Стефани и водителем. Отец немедленно вызвал «скорую», которая приехала через пятнадцать минут и с громкой сиреной и мигалками увезла пострадавших в ближайшую больницу. Рафаэля потеряли из виду сразу, как только он остался в машине один.

Сутенёр стиснул зубы, закрыв водительскую дверь. Его накрыло паршивое состояние, но парень всё же повернул ключ зажигания и отогнал машину в лесополосу неподалёку. Затем перебрался назад, вытянул из кармана телефон и набрал заученный номер.

— Пришлите кого-нибудь за мной, — сказал он, тяжело дыша. — Праттер-стрит. Особняк Леонардо Гарсия. Белый «Citroën» за воротами...

На большее сил не хватило. Парень завершил звонок и уронил руку с телефоном на колено.

«А вот теперь главное не отрубиться...»

...потому что могли приехать и совсем не те, кого он вызвал.

Глава 6. Больница

Дерек Андерсон — мужчина медвежьей комплекции, а также водитель Питера Моргана — известного хирурга, кто выдернул помощника из дома после звонка от Рафаэля. Он мчался по дороге так быстро, как только мог, и вёл белую «Honda Accord», служебную, которую держали в гараже для случаев вроде сегодняшнего. Конечно, Питер мог и сам приехать на личной «Honda CR-V», — подарок одного из пациентов, — однако Майкл Рэйни ещё при первой встрече велел не светиться лишний раз возле участников теневого бизнеса. Просто затем, чтобы ненароком не «подмочить» репутацию законопослушного гражданина.

Дерек не сразу нашёл белый «Ситроён» в темноте и только дальним светом сумел выхватить его очертания среди густо посаженного леса. «Ситроён» упёрся искорёженными остатками багажника в один из широких стволов; Дерек с фонариком заглянул внутрь машины и тут заметил открытую заднюю дверь.

— Живой? — спросил он, посветив Рафаэлю в лицо. Тот промычал что-то невнятное и отвернулся, попытавшись прикрыться здоровой рукой.

«Мелочь пузатая, а всё туда же...»

— Давай, обопрись на меня и вылезай, — распорядился Дерек, помог парню выставить раненую ногу из машины и позволил ему крепко обхватить себя за шею. Левой рукой он подтянул парня за талию ближе к краю сидения и после рывком заставил подняться. Рафаэль сдержанно застонал, повиснув на Дереке, уткнулся носом в его пропахшую резиной ветровку.

«В гараже, что ли, спал?» — подумал сутенёр и невольно отстранился от спасителя. Тошнотворное чувство не отпускало его ни на минуту, но до этого было терпимо. Стоило только поменять положение, как неприятный ком оказался у самого горла.

Парень резко согнулся пополам, и его стошнило прямо себе под ноги.

— Тоже мне, мафия... — скривился Дерек, подхватил Рафаэля на руки и донёс до машины. Сутенёр дышал часто и коротко, не открывая глаз, и мужчина как можно аккуратнее усадил его на заднее сидение «Honda».

«Для такого сопляка он ещё отлично держится», — заметил Дерек, сел за руль и помчался в больницу университета Бэйлора, где его дожидался хирург.

Питер — высокий, brutальный, но добродушный, чуть полноватый и бритый под ноль — не боялся подозрительных вопросов о своих пациентах. Он всегда мог найти правдоподобный ответ, почему к нему доставляют людей с огнестрельными ранениями, и активно пользовался дурной славой южных районов Далласа.

— А, опять эти, — поморщился заведующий отделением хирургии Эдвард Росс. В больницу университета Бэйлора нередко привозили пациентов с юга — то ножами решат помахать, то пистолетами. Полицию об этом не уведомляли, но каждый случай находился под строгим контролем заведующего отделением.

Эдвард Росс не любил проблемы, потому, когда час назад доставили Джейсона Гарсия, он сразу же отмахнулся, предоставил всё Питеру Моргану и решил никаким образом в это не ввязываться.

— Питер, — сказал он, отступая, — я бы рад помочь, но всем вот этим криминалом занимайся, пожалуйста, сам. Порой мне кажется, что ты у них на особом счету.

— Возможно, потому, — улыбаясь, ответил Питер, и погладил пальцами бороду в стиле «эспаньолка», — что для меня все люди одинаковые, и мне плевать, преступники они или кто там ещё. Джейсона Гарсия, надеюсь, доверили надёжным людям?

— С ним Патрик и Джонатан. Всё под контролем.

— Ну смотри, а то шкуру спустят со всех.

Заведующий что-то буркнул себе под нос и поспешил ретироваться. Ассистент принёс Питеру карточку Рафаэля, которую тот запросил из архива, и мужчина осуждающе покачал головой.

«Я же просил быть осторожнее».

У сутенёра была тысяча причин доверять одному единственному врачу, и Питер об этом знал. Он быстрым шагом направился в перевязочную, чтобы оттуда перевести парня в одиночную палату. Марго в истерике попросила дать ему лучшее место. Они не были знакомы с Питером, но телефон Рафаэля буквально разрывался от звонков, и хирургу пришлось поднять трубку, чтобы сообщить адрес медицинского центра. Он не думал, что сюда примчится эффектная женщина, которая разом завладеет вниманием всего персонала больницы. Её, конечно же, не пустили в палату, потому что Рафаэль даже в полубредовом состоянии замотал головой, ясно дав понять, что Марго его видеть не стоит. Хозяйка борделя нервно ходила возле дверей, цокая каблуками, и злилась от того, что не могла прямо здесь закурить.

Между тем Ангел едва держался в сознании. Тошнотворное состояние от ноющей боли не проходило, ослабшее тело не слушалось, а лица Питера и его ассистента Коллина, который сновал рядом и помогал парню раздеться, казались нелепыми размытыми гримасами.

Коллин первым делом стащил с Рафаэля плащ и повесил на спинку стула. Рубашка с левой стороны вся пропиталась кровью, и когда ассистент её начал снимать, сутенёр протяжно застонал, уронив голову на грудь.

— Даже перетянуть не догадался, — досадливо поморщился Питер, — как будто совсем не приспособленный к жизни...

Он вколол парню анестетик, и Рафаэль ни разу не дёрнулся, пока хирург вытягивал застрявшую в мышце пулю. Коллин придержал сутенёра за здоровую руку, чтобы тот не свалился с кушетки; Питер спокойно закончил перевязку плеча, с помощником осторожно уложил пациента на кушетку и затем велел Коллину выйти.

— Дальше я сам, — сказал он с напором в голосе, и помощник с чувством, будто его только что незаслуженно пристыдили, покинул палату. Марго, сидевшая у дверей на скамейке, вскочила, как опущенная пружина, но ассистент перехватил её, не позволив войти.

— Я хочу его видеть! — воскликнула женщина, вырываясь. — Мой Ангел! Ангел!

— С ним всё в порядке, — как можно спокойнее ответил Коллин, терпеливо снося удары взволнованной хозяйки борделя. — Врач ещё не закончил, но как закончит, обязательно позвёт вас.

— Мой Ангел... — всхлинула Марго, нехотя усаживаясь обратно, и парень дал медсестре сигнал, чтобы та принесла воды.

— Он сильный малый. Да и раны пустяковые. Недельку отлежится и будет как новенький.

Коллин ободряюще улыбнулся, только женщина отмахнулась от него, скривившись.

— Не пытайтесь меня обмануть. Эта ваша обязанность — делать вид, что понимаете мои чувства. Как это у вас там называется... Субординация? Нет... Врачебная этика? Ладно, неважно. Просто идите прочь. Пожалуйста.

Марго уронила голову на руки, и помощник не стал задерживаться возле неё. Хозяйка борделя была не в себе, и Коллин подумал, что это, вероятно, и есть та самая любовь, о которой девчонки таинственно шепчутся по углам.

«Надо ведь, — буркнул он, позволяя зависти ненадолго завладеть его разумом, — какую красоту сумел отхватить. Сам метр с кепкой в прыжке с трамплина, а баба из-за него места себе не находит. Везучий, блин...»

Как только Коллин ушёл, Питер запер дверь изнутри и спокойно снял с пациента прилипшие к коже брюки. Рана на бедре выглядела не лучше той, что на плече, кровь продолжала течь, пачкая белую простынь, и Питер мысленно чертыхнулся.

«Я, конечно, всё понимаю, но неужели никто не удосужился научить его хотя бы элементарным вещам?»

Рафаэль ничего не ощутил под действием анестетика и только поморщился, когда Питер чуть дёрнул край бинта, чтобы закрепить его.

— Питер... — пролепетал сутенёр в попытке сфокусироваться на лице хирурга. — Как же это больно, твою мать...

— А ты как хотел? Это тебе не мяч головой ловить, — отозвался мужчина, достал упаковку влажных салфеток, и Рафаэль огрызнулся, ощутив на теле нечто мокрое, липкое и холодное.

— Не ворчи, — сказал Питер, вытирая с кожи кровавые разводы. — Мне же надо тебя отмыть. И Марго твою обязательно отчитаю. Не могла простые вещи объяснить...

— Марго... — тихо произнёс парень. — Она не должна видеть меня таким...

— Каким? Беспомощным? Вряд ли ты её этим напугаешь. Как закончу, перевезу тебя в другую палату, получше, и тогда пушу её ненадолго. Минут на пять, может. Иначе она тут спать под дверями ляжет, ей-богу.

Питер перевязал сутенёру бедро и уверенно взялся за кромку трусов, собравшись отправить их в кучу перепачканной одежды. Рафаэль шумно выдохнул; его накрыла леденящая тревога, и он, несмотря на боль, попытался всеми способами закрыть наготу.

— Потерпи, — мягко попросил хирург, и парень напряжённо замер, отвернув лицо. Ещё на первом медосмотре он рассказал, почему так происходит. В силу профессии Рафаэля много раз порывались раздеть, кто игриво, а кто и насильно. Из-за последних сутенёр обзавёлся фобией — страхом менять одежду, если рядом кто-то находился; разрешение коснуться было верхом доверительных отношений, и Питер — из тех немногих, с кем эта фобия проявлялась не так агрессивно.

Парень лежал с крепко зажмуренными глазами, но молчал, изредка дёргаясь от холодных салфеток. Питер как можно скорее отмыл с него остатки крови, передел в чистую больничную пижаму и помог лечь на каталку.

— Ну, поехали, — сказал он, открыл дверь и вывез Рафаэля в коридор. Марго возле палаты не оказалось, и мужчина спросил о ней у своих интернов, гулявших туда-сюда по этажу.

— В сортир убежала, — хмыкнул один из них, высокий темнокожий и картавый. Питер нахмурился.

— Это для тебя сортир, а для неё дамская комната. Как появится, скажи, чтобы поднялась на третий этаж. Восьмая одиночная. Запомнил?

Интерн бросил краткое «угу» и с позволения Питера умчался дальше со стопкой документов в руках. Хирург неспешно подвёз каталку к грузовому лифту, поднялся на этаж выше и въехал в палату, небольшую, но светлую, с единственной кроватью, тумбочкой, холодильником и огромным окном с видом на парковку перед главным входом.

— Марго заплатит за меня, — еле слышно проговорил сутенёр, наблюдая сквозь туманную дымку перед глазами, как мужчина устанавливал капельницу возле кровати. — И я опять буду ей должен.

— Ты, похоже, вечный должник, — отозвался Питер и аккуратно воткнул парню иголку в вену, приклеив её пластырем. — Майкл как-то упоминал, что с тебя ещё половина причитается.

— Половина — это хорошо. Майкл честный, как бы абсурдно это ни звучало. Я могу даже не следить за своим остатком.

— Доверяешь?

— Пожалуй, да.

Рафаэль замолчал и отвернулся лицом к стене. Он слишком давно не ловил пули собой. Слишком давно не чувствовал, как металл застревает внутри. Тело и сознание, отвыкшие от боли, в этот раз превратили сутенёра в сломанную куклу, несмотря на то, что все навыки для критических ситуаций он давно получил. И в том, что Питер без конца ворчал, он не увидел ничего плохого, потому что хирургу мафия не всё позволила узнать о нём.

Рафаэля клонило в сон, мир перед глазами расплывался всё больше, и когда в палату влетела Марго, держа в руке любимую вычурную шляпу, парень уже завис на грани.

— Ангел! — воскликнула она и бросилась к постели сутенёра. Питер нехотя оставил их наедине, но предупредил, что у гостя всего пять минут.

Она испугалась до дрожи в руках. За время её работы «мамочкой» ещё ни разу не случилось, чтобы трогали сутенёра или «товар». Если кого-то интересовал клиент, убивали по чёткой схеме, не задевая при этом Марго — с ней никто конфликты не заводил, потому что девочки её борделя очень многих друг с другом повязали. Навредишь одной, а проблем наберётся от всей цепочки клиентов.

Потому сейчас, глядя на бледного Рафаэля, тихонько сопевшего под дозой снотворного, Марго понимала: Джейсону бросил вызов человек, для которого не существует слово «нельзя». Или, может, просто появление Рафаэля не входило в его планы? Такое тоже могло случиться. Вдруг Ангел оказался под перекрёстным огнём случайно, и всё это — чистое недоразумение? Марго хотела в это верить, потому что, какие бы цели ни преследовал конкурент Джейсона, он вряд ли желал обратить против себя все семьи, кланы и группировки Далласа.

Когда Питер вернулся в палату, Марго поднялась ему навстречу. Истерика у женщины сошла на нет, но на лице застыло выражение мрачной решимости, которое заставило Питера на минуту задержать гостью в дверях.

— Не рубите с плеча, — сказал он тихо, — не давайте повода для новых жертв. Джейсон сам разберётся в возникших проблемах, и будет лучше, если вы прежде поговорите с ним.

— Он очнулся?

— Пока нет, но ему несерьёзно досталось, так что зайдите через пару дней. Или оставьте телефон, я сообщу, когда можно будет приехать.

Марго задумчиво покусала губу. Её тоже давно известили, что Питера Моргана нельзя втягивать в криминальные дела, потому достала из сумки визитку и протянула хирургу.

— На этот телефон вы можете звонить в любое время.

— В вашем баре я однажды был, — сказал Питер, увидев на визитке знакомое название. — Там подают отличное пиво.

— Если есть желание, заходите. В плане законности бар чист, так что вам нечего бояться.

Мужчина кивнул и выпустил Марго из палаты. Она торопливым шагом покинула медицинский центр, села в серебристую «Audi A4» и уехала обратно в бордель. Женщину одолела злость; её Ангел застрял в больнице как минимум на неделю, и всё это время она не сможет навещать его должным образом. Другого такого же сутенёра под рукой нет, другие ему в подмётки не годятся, а значит, клиентов от недостатка сервиса придётся отвлекать собой — делать вид, что всё хорошо, лишь бы гости ничего не заподозрили, и репутация борделя сохранилась на должном уровне.

Марго медленно и глубоко вздохнула, чтобы сбить навязчивую дрожь в руках.

Глава 7. Больница, продолжение

Джейсон пришёл в себя в пятницу днём, когда время перевалило за полдень. То, что произошло прошедшей ночью, он помнил отрывками: визит в бордель Марго, знакомство с Рафаэлем, потом девочка сенатора... Их было четверо в машине, и последнее, что удалось выжать из памяти — это упавшее поперёк дороги дерево.

Джейсон медленно огляделся. Всё вокруг было отвратительно белым, откуда-то пахло медицинским спиртом и хлоркой. Возле прикроватной тумбы возилась девушка в белом халате, поправляя капельницу, и мужчина догадался, что лежит на больничной койке.

— Как я сюда попал? — спросил он тихо, и медсестра, повернувшись на голос, склонилась над пациентом.

— Вас привезли на «скорой». Как чувствуете себя?

— Голова болит. Почему я здесь? Где мой телефон? Мне нужно позвонить...

Джейсон начал тревожно ворочаться и попытался подняться, глазами выискивая мобильный, но девушка уложила его обратно.

— Вам нельзя вставать. Сотрясение мозга, знаете ли, не шутки.

— Какое, к чёртовой матери, сотрясение? — огрызнулся мужчина и поморщился от нового приступа головной боли.

— Обычное, — терпеливо ответила медсестра и вздохнула, нахмурившись. — Я подробностей не знаю, но говорят, вы попали в аварию.

Она оглянулась на дверь, услышав какой-то шум, и недовольно щёлкнула языком.

— Вы простите за прямоту, но ваши знакомые весь персонал уже замучили. Особенно та женщина в шляпе... Марго или как её там... Она уже уехала, но пока была здесь, прямо-таки забегалась с одного этажа на другой. То к вам, то к парнишке из восьмой одиночной. Был ещё ваш напарник со шрамом на лице, но этот всех медсестёр распугал. С вами, с богатыми, дурдом, в самом деле!

Джейсон чуть приподнял краешки губ в измученной, но искренней улыбке.

— Это Черри, мой телохранитель. Он славный парень, хоть и слегка не сдержан в эмоциях.

— Слегка? — удивилась медсестра. — Да у него глаза такие ошалелые, что наши ребята из охраны его чуть дважды не вывели.

— Простите его. Он меня слишком любит.

Сотрудница больницы промолчала. У неё изменился взгляд, и Джейсон понял это по своему.

— Как начальника любит, — добавил он и смутился, заметив у девушки ещё большее изумление в глазах.

— Боже! Естественно, что не как жену, — отозвалась она возмущённо. — О чём вы только думаете, Джейсон?

— О том, что совершенно не слежу за языком, — сконфуженно пробормотал мужчина. Девушка махнула рукой. — Извините.

— Вам лучше не вставать некоторое время, — сказала медсестра, когда записала показания приборов в карманный ежедневник. — Вы пробудете здесь ещё несколько дней, может, до следующей пятницы. Наш хирург, Питер Морган, взял на себя ответственность за вас и того парня из восьмой, поэтому, пожалуйста, не подведите его.

— Тот парень, — настороженно спросил Джейсон, — случаем, не Рафаэль?

— Да, — кивнула сотрудница, подумав, — он самый. Вы его знаете?

— Мы ехали в одной машине до того, как я оказался здесь. Как он?

— В порядке. Ему изрядно досталось, но Питер о нём позаботился, так что жить будет.

— Хорошо. Хорошо... — повторил мужчина и прикрыл глаза. — Позовите Черри, пожалуйста, если он здесь. Мне нужно с ним поговорить.

Черри сидел на скамейке напротив двери в палату Джейсона. Он примчался сразу, как узнал от Марго о случившемся, и она не стала его отчитывать в этот раз; обычно хозяйка борделя не упускала возможности указать мужчине на его место и напомнить о прямых обязанностях телохранителя.

Марго знала, что ей не в чем упрекнуть Черри. Тот остался дома по приказу Джейсона, потому что хозяин юга захотел остаться в одиночестве. Такое случалось редко, и до вечера четверга её постоянному клиенту ничего не угрожало.

Черри тоже понимал, что не виноват, и воспринял как должное, когда Марго позвонила ему и назвала адрес медицинского центра без привычного презрения в голосе. Он приехал так быстро, как смог, но медсёстры его не пустили в палату. Более того, он не смог ни к одной подступиться, девушки шарахнулись от него, и мужчина вынужденно ретировался на улицу. Уже там, взглянув на себя в тонированное стекло припаркованной «Audi», Черри громко рассмеялся. Тревога за босса неприятно исказила его лицо. Он походил на страдающего ломкой наркомана; в среду вечером Джейсон принимал давних знакомых отца, семейную пару с тремя детьми, и мужчина всю ночь не спал, разгоняя по комнатам то непоседливых детей, то нетрезвых гостей. Вторые шумели почти до рассвета, а первые докучали походами в туалет и на кухню. Черри внимательно следил, чтобы гости ничего не разбили, потому что многие вещи в особняке имели большую ценность для родителей Джейсона. И если он что-то вдруг упустит из виду, хозяева никогда ему этого не простят.

Весь четверг пролетел в беготне по встречам с партнёрами, немного свободного времени у телохранителя появилось только к концу дня, но до самого выезда к Марго мужчина бесцельно смотрел в потолок. Лишь когда Джейсон уехал, он, наконец, отключился, но не прошло и двух часов, как его разбудил звонок от хозяйки борделя. Сон как рукой сняло.

Черри оставил в особняке ребят, которым доверял как себе, и половину первой ночи провёл у дверей палаты босса, отлучаясь разве что в магазин за едой и по нужде. Медсёстры обходили его стороной, и мужчина отводил глаза всякий раз, когда девушки на него украдкой косились.

Около трёх часов он ненадолго вернулся в машину, чтобы найти там наушники. Гробовая тишина в больнице действовала на нервы, причём куда больше, чем бесконечный гул из людских голосов. Черри вставил «затычки» в уши, нажал на кнопку старта на плеере и откинулся на спинку сидения, как он думал, на пять минут. Ему захотелось снять накопившееся напряжение, расслабиться и успокоиться, однако музыка настолько увлекла его, что он не заметил, как заснул. Проснулся далеко за полдень, выскочил из машины ещё более шальной, чем до этого, и у самого входа в больницу едва налетел на Марго.

— Смотри, куда прёшь! — выдала женщина и одарила мужчину суровым взглядом из-под насуспенных бровей. — Выглядишь отвратительно.

— Я только проснулся, — ответил Черри без тени обиды. Он протёр заспанные глаза, пригладил растрепавшиеся волосы и расстегнул пиджак от костюма.

— Заметно, — фыркнула Марго и прикурила, зажав в тонких пальчиках длинный мундштук. Черри скривился; ему не нравился приторный аромат ванильного масла, которым пропитывался табак. Но до этого был клубничный ароматизатор той же фирмы, его, к счастью, сняли с продажи, и мужчина стоически терпел ваниль, потому что она хотя бы не вызывала рвотного рефлекса.

— Ты когда-нибудь раздеваешься? — спросила Марго, и Черри растерянно захлопал ресницами. — Как ни погляжу, ты всегда в этом чёртовом костюме. Не удивлюсь, если в нём и спишь. У тебя есть что-нибудь другое на смену?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.